

ОПОРА НА «СЕРЕДНЯКА»

Кирилл Бенедиктов, Борис Межуев

ВСМИ просочилась информация, будто в декабре в Москву приезжал Киссинджер. Будто бы с конфиденциальным предложением от Обамы Медведеву — сократить количество ядерных боеголовок до тысячи с каждой стороны.

Почему так неуютно от этих мирных инициатив? Все дело в разнице потенциалов. Когда сильный партнер уговаривает слабого отбросить револьверы, это означает только одно — он уверен, что сможет справиться с безоружным голыми руками. Или с помощью большой дубинки, про которую «никто не договаривался».

Значит ли это, что США непременно нападут на Россию, если та избавится от большей части своего ядерного арсенала?

Нет, конечно.

Это значит лишь, что Россия слишком быстро ослабела под ударами кризиса — настолько быстро, что разговоры о границах новой российской силы сменились разговорами о границах, до которых мы можем уступить.

И еще это означает, что стране брошен вызов, который невозможно свести к одним лишь экономическим или социальным проблемам. Это вызов, касающийся существования собственно государства — в том его виде, в котором оно существует с 1991 года.

Кто пойдет к доске?

Большинство экспертов согласны в том, что первые по-настоящему тяжелые последствия кризиса мы ощутим нынешней весной, когда закончатся сбережения уволенных в декабре, а в казне явственно запахнет мышами. Положение усугубляется еще и маргзовскими региональными выборами. На них уходят значительные средства, а помимо этого они справедливо рассматриваются экспертами как критический момент для партии «Единая Россия».

Очевидно, что поражения «ЕР» на этих выборах ждать не стоит: «зачи-

стка» политического поля в предшествующие годы и проводилась с расчетом на такую ситуацию. Однако даже относительное снижение поддержки главной партии страны будет означать, что кризис перекинулся с экономики на политику. Снижение накопленных за годы благоденствия резервов ведет к тому, что государство все меньше и меньше способно контролировать экономические процес-

«ночного сторожа» — прекрасно! Но quis custodiet ipsos custodes?

Наступает время, когда политическая активность становится необходимым условием выживания, а ценность политической лояльности стремительно уменьшается. В новых условиях политизирующиеся классы могут потребовать долевого участия в формировании национальной стратегии. «Сейчас кризис дал нам еще один

Самые тяжелые времена для среднего класса еще не наступили...

сы.

Первый вице-премьер Игорь Шувалов произносит перед депутатами Госдумы речь, которая позволяет экономистам сделать вывод: правительство Владимира Путина перешло к идеологии «стихийного либертарианства» и отказывается от стратегии национализации крупного бизнеса. Напротив, олигархи теперь стремятся получить господдержку, а государство им отказывает — никому не интересно кормить нахлебников, которые не приносят прибыли и еще непонятно, будут ли приносить.

Одним из возможных выходов из этой ситуации будет политическая активизация крупного бизнеса, который почувствует себя «брошенным» тем самым государством, которое многие годы позволяло ему развиваться и увеличивать экономическое влияние в обмен на невмешательство в политическую жизнь. Государство переходит на позицию

крупный позитивный результат — в страну возвращается политика», — считает сопредседатель Совета по национальной стратегии Иосиф Дискин. Однако в каких формах она вернется, сегодня не может предсказать никто.

«Мне казалось бы абсолютно естественным, чтобы власть просто приступила к более широкому диалогу прежде всего с самим экспертным сообществом, — считает главный редактор журнала «Русский предприниматель» Андрей Кобяков, — давно это назрело. Просто отсутствует нормальный лифт идей, который бы нужно было давно задействовать. Кризис для этого — самый удобный момент».

Отсутствует, с нашей точки зрения, не только лифт идей. Отсутствует конструкция, обеспечивающая общественный диалог. Связано это с особенностями системы, обеспечивавшей политическую стабильность в годы экономического процвета-

ния, но оказавшейся предельно неэффективной в условиях кризиса.

Главную роль в этой системе играло собственно государство с огромным бюрократическим аппаратом и его политической проекцией — партией «Единая Россия». Эта сила не была однородной — она объединяла приверженцев либерально-экономической модели и сторонников государственного вмешательства в экономику. В последние недели мы можем наблюдать усиление первых и ослабление вторых.

Второй основной игрок — **крупный бизнес** довольствовался в этой системе подчиненной ролью. Эра вмешательства крупного бизнеса в дела государства закончилась с арестом Михаила Ходорковского и показательным разгромом ЮКОСа. Одним из немногих инструментов, с помощью которых крупный бизнес доносил свои пожелания до власти, оставался РСПП. РСПП может стать в нынешних условиях стартовой площадкой для возвращения крупного бизнеса в большую политику.

Третий игрок, до настоящего времени находящийся в тени, — **пресловутый российский средний класс**. Показательно, что именно чрезвычайно уязвимый в социальном отношении класс обладает одновременно наибольшим интеллектуальным потенциалом и способен продуцировать идеи по поиску выхода из кризиса. Отчасти это связано с тем, что

многие представители этого класса были заняты в таких сферах, как СМИ, PR, реклама, консалтинг и т.д. При определенных условиях их энергия может быть направлена в протестное русло, что будет означать быструю и масштабную политизацию российского среднего класса. Причем в этом случае политизируется также мелкий и средний бизнес — пострадавшие от кризиса наемные профессионалы способны разработать концепции, более привлекательные для этого бизнеса, чем невнятные государственные инициативы.

«Модернизация» через столкновение

Перед каждым из трех игроков стоит одна и та же задача — спасти себя и вытащить страну из кризиса. Но задачу эту каждый из них будет решать по-разному.

Для бизнеса важно сейчас получить поддержку государства. Для государства — сохранить положение независимого арбитра в ситуации вероятного обострения классовых противоречий, когда в очередь за поддержкой будут выстраиваться лоббисты всех возможных социальных групп. Крупный бизнес попытается выдать собственные классовые приоритеты за общенациональные, государство, вероятнее всего, попытается не дать ему возможности показать себя «первым среди рав-

ных». Средний класс попадает в непростую развилку — он не заинтересован ни в уходе государства из экономики, ни в его выборочном присутствии в интересах наиболее сильных игроков.

В чем же тогда состоит его интерес? В прямо противоположном — в полномасштабном присутствии государства в экономике и в его демократизации. Оба этих устремления не слишком согласованы между собой, но они и составляют тот процесс, который за неимением других слов можно назвать «модернизацией».

Каждая из сил — и государственный истеблишмент, и крупный бизнес — имеют в запасе свой набор аргументов для среднего класса, чтобы привлечь его на свою сторону. И не исключено, что победа в виде политической поддержки достанется кому-то одному. Но нельзя исключать и формирование «третьей силы» в виде организованного леводемократического движения, ведомого какими-то «невписавшимися в дуумвират» политиками или бизнесменами.

Скрытое соперничество крупного бизнеса и партии власти за поддержку среднего класса может привести либо к его самостоятельному политическому позиционированию, либо к союзу с одряхлевшими и вроде бы стоящими в стороне от дискуссии левыми силами. А далее все будет зависеть от амбиций лидеров и их способности к компромиссу. ■

РЕЖИМ СЕРЕДНЯКА КАПИТУЛИРУЕТ? ЭТО ВРЯД ЛИ

Глеб Павловский

Те, для кого политика — только слухи, будто «в Москву в декабре приезжал сам Киссинджер» — те живут неполитикой, им можно позавидовать. В эпизоде нет ничего знаменательного: прожженный политик наведился к таким же прожженным, с предложениями, ясными им насквозь. Это рутинная, а не слабость, причем *политическая* рутинная.

В России есть политизации всякого рода. Некоторые, как путинская, начавшись давно, далеко зашли. Кого в 1999–2000 не цепляла

политическая сверхзадача — освободить Б.Н. Ельцина и Россию друг от друга — те неполитики, и они отошли прочь. Те, кто остались в политике, вступили в борьбу насмерть. Победили поставившие на избирателя, а избиратель призвал новичка Путина, которого знал по началу немногим лучше, чем шефа его штаба Дмитрия Медведева. Создание, сплочение и победа новой команды в 1999–2000 году были политическим шедевром.

В дальнейшем политизация означала *присоединение новичков* — к ядру

тех, кто давным-давно «самополитизировался» и, пойдя на риск, стал властью. Уже здесь начались разногласия: расширение коалиции большинства зовут «вытаптыванием поля» — какого поля? Дикого, «естественного»? В искусстве политике нет ничего естественного. Новичков отправляют в учебку, где реальных кнопок и рычагов власти не понажимаешь.

Зато старожилы их жмут всюю.

Политика в стране не прекращается ни на минуту. Кто не умеет в ней разбираться — неполитик, и не